

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

РЕЦЕНЗИИ

A Primer of the Marathi Language for the Use of Adults by Alfred Darby. Bombay, 1933, 3-е издание, VI, 221 стр.

Заглавие книги указывает на довольно скромные задачи, преследуемые ее автором, но на первых же страницах предисловия к третьему изданию он сообщает, что в основу учебника положены новые взгляды, предвосхищающие переворот в теории грамматики и, в особенности, синтаксиса. Изложение новых теоретических взглядов влечет за собой и введение новых грамматических терминов.

Материал и расположение его показывают, что книга является, в первую очередь, грамматикой, хотя она и названа учебником.

Учебник иностранного языка должен давать достаточное количество систематически подобранного текста, однако этого в книге Дэрби нет. При изложении грамматики на некоторые из разделов даются упражнения с ключом, помещенным в приложении. Упражнений всего 21, почти все они являются упражнениями на перевод слов, грамматических форм (напр. спряжений) и отдельных предложений. Объяснение каждого нового правила иллюстрируется довольно значительным количеством примеров и учащемуся рекомендуется усвоение их. Кроме того, в книге разбросано много методических примечаний, напечатанных особым шрифтом, указывающих учащемуся метод усвоения того или иного правила.

В приложении дан также небольшой систематический англо-маратский словарь, в котором отдельно даны существительные, прилагательные и числительные, глаголы и наречия, послелоги и союзы. Транскрипции, как и к примерам, не дано.

Книга начинается с главы о фонетике и алфавите, после которой дан текст с транскрипцией, предназначенный для овладения чтением; затем идут теоретическая глава о частях речи, главы, трактующие отдельные части речи, глава о различных типах фраз и предложений, глава о сложных словах (и о правилах сандхи) и, наконец, глава о морфемах (префиксах и суффиксах).

Интересен взгляд автора на значительные заимствования санскритских слов лите-

ратурным маратхи; указав на то, что заимствование многих санскритских слов необходимо для выражения абстрактных понятий, он добавляет: «следует высказать опасение, что многие санскритские слова обязаны своим присутствием в маратхи скорее стимулам тщеславия, чем вкуса» (стр. 2).

Необходимо отметить, что автор не в состоянии вскрыть классовой основы этого явления, его реакционной сущности.

В первой главе излагаются параллельно алфавит и фонетика: дается буква *деванагари* и поясняется ее произношение или различные оттенки произношения. К сожалению, эти пояснения довольно кратки и не снабжены примерами; тем не менее они точны и в некоторых случаях более правильны, чем обычно в учебниках индийских языков (напр. произношение так называемого краткого *a* и церебральных). Автор совершенно правильно указывает, что в маратхи фонемы, изображаемые соответственно буквами ऌ *a* и ऍ *ā* и называемые обычно кратким и долгим *a*, являются в действительности самостоятельными звуками, отличающимися, во-первых, качественно и, во-вторых, количественно. При описании церебральных не менее правильно указано, что произношение английских *t*, *d* и *n* гораздо менее церебрализовано, чем произношение соответствующих маратских звуков (т. е. ढ *ṭa*, ढ *ḍa* и ण *ṇa*); в большинстве грамматик индийские церебральные неверно отождествляются с английскими.

Автор приводит таблицу согласных, классифицированных по месту образования; подобную таблицу можно видеть в любом учебнике санскрита, маратхи и других индийских языков, пользующихся алфавитами, производными от деванагари. В рассматриваемой книге две из групп согласных названы правильнее, чем в большинстве учебников: название «гutturальные» (в отношении звуков *k*, *kh*, *g*, *gh* и ङ) заменено названием «велярные», а название «языковые» (lingual) — «церебральные» (ṭ, ṭh, ḍ, ḍh и др.).

В таблице есть и недочеты так, напр., звук *h* (ha) неправильно причислен к велярным, в то время как он является гуттуральным (хотя он несколько ближе к велярным, чем, напр., украинское *g*, к которому он весьма близок). Звук *ṛ* (ṛa) является

не церебральным, а дентальным плавным. В таблице не оговорено, что буквы च и ङ имеют в маратхи (в этом он отличается от других индийских языков) по два произношения: первая ङ (ч) и с (у) и вторая j (дж) и dz (дз); второе произношение обеих букв является не палатальным, а дентальным. То же относится и к их аспиратам ङ и ङ.

Вызывает возражение утверждение автора о том, что каждая группа согласных имеет соответствующий носовой согласный и что это общий закон для всех языков (стр. 9), т. е. что группа гуттуральных (велярных) имеет звук, обозначаемый фонетически η , группа палатальных имеет палатальное η . Сам автор говорит ниже, что оба эти звука не встречаются в маратхи в самостоятельном употреблении, а только в сочетаниях; напр. гуттуральное h только в сочетаниях с g или k . То же самое относится к буквам ङ-या и ङ-या. Как известно, во многих языках эти звуки, или одни из них, отсутствуют. Повидимому, автор не делает различия между фонетическим составом языка и теми звуками, которые могут возникать под влиянием артикуляции предыдущих или последующих звуков.

К положительным сторонам первой главы следует отнести то, что автор дает специальный параграф «Произношение слов», а также указания для овладения процессом письма; он показывает, в каком порядке нужно писать отдельные части букв: वा, वा, वा; वो, वा, वा, वा; ति, —, ति, ति, ति.

Правда, автор здесь не оригинален, так как оба параграфа имеются и в грамматике Навалькара,¹ но в большинстве учебников мы этого не находим.

Специальную теоретическую главу о частях речи, занимающую десять страниц, автор начинает с того, что в этом вопросе существует большая путаница, так как система и принципы классификации частей речи не выдержаны, вследствие того, что одновременно используются и «логический и формальный принципы». По мнению автора, части речи «должны представлять классификацию символов смысловых единиц, основанную на логической функции их значений», а не классификацию слов. С одной стороны, целые фразы могут представлять единицу значения, с другой стороны, одно слово (в частности, снабженное флективными элементами) может «выполнять более, чем одну функциональную службу» (стр. 25).

Автор не рассматривает отдельно части предложения и части речи (т. е. не делает в этом вопросе разницы между синтаксисом и грамматикой); он называет первые основными частями речи, которые выражаются теми или иными второстепенными частями речи.

Предложение рассматривается автором как суждение о комплексе субстантивных понятий (более или менее подробно определяемых и ограничиваемых) и отношений; оно должно состоять из трех основных частей: субъекта, предиката и связки (copula). Субъект является центром предложения, предикат представляет указание на качество, количество, состояние или положение, действие или движение, которое при помощи связки становится в известное отношение к субъекту. Связка указывает, является или нет, может быть или должно быть предикатное суждение связано с субъектом по мнению говорящего и может быть выражено только глаголом «быть»; остальные глаголы содержат предикативный элемент.

Дэрги перечисляет десять частей речи:

- 1) имя существительное;
- 2) местоимение;
- 3) артикли;
- 4) terms (прилагательные);
- 5) atterms (новая часть речи, выдвигаемая автором; дополнительное к прилагательному определению, уточняющее и ограничивающее его);
- 6) глагол;
- 7) наречие;
- 8) предлоги (для маратхи должно было бы быть «последлоги»);
- 9) connectives (союзы и другие средства, указывающие связь суждений);
- 10) междометия.

Отметим, что перечень этот не относится специально к маратхи, а имеет, скорее, общий характер; так, напр., в маратхи отсутствует одна из перечисленных в нем частей речи — артикли.

Несколько слов о вновь открытой части речи — Atterms. К ним, как это видно из примеров, помещенных на стр. 64, относятся и наречия (в обычном понимании этого слова); в частности, наречия, производные от прилагательных; напр. तो चांगला निव्रतो to cānglā nidzto — 'он спит хорошо'. В этих случаях они определяют глагол, однако автор не видит здесь расхождения со своим определением Atterm и совершенно не останавливается на этом вопросе. Повидимому, он считает, что так как все глаголы, кроме глагола «быть» (называемого им «чистым глаголом»), имеют в себе элемент определения, то Atterm является уточнением этого определения. В приведенном выше примере предложение «он спит хорошо» будет равно предложению «он есть хорошо спящий». На стр. 84 указано, что Atterm (называемый обычно наречием) может употребляться с другим наречием для уточнения его, напр. «более ясно», но автор не находит и здесь противоречия со своим определением Atterm, так как наречие «ясно» покоится на предикативном элементе в выражении «ясным образом», из чего следует, что слово «более», уточняя прилагательное, является Atterm'ом.

¹ G. R. Navalkar. The Student's Marathi Grammar. Poona, 1925, 4-е изд.

В параграфе «Работа над переводом» учащемуся рекомендуется после изучения шрифта и общего ознакомления с содержанием учебника приступить к переводу простого текста, продолжая проработку учебника. В дальнейшем советуется пользоваться двумя книгами, одной для перевода и знакомства с новыми формами и другой, более легкой, для постоянного, многократного чтения вслух с целью усвоения наибольшего количества употребительнейших выражений.

В главе об имени существительном обращает на себя внимание следующий момент: автор считает, что изменения имен для образования различных грамматических родов и образования множественного числа выполняют функции части речи, называемой им Term (прилагательное), так как уточняют имя, дают ему добавочное определение (стр. 38).

В связи с этим вызывает удивление факт, что автор не причисляет к одной из частей речи или не выделяет в отдельную часть речи падежных окончаний. Автор при классификации частей речи исходит из функционального принципа; он относит к прилагательным окончания, указывающие грамматический род или число имен; было бы последовательно причислить падежные окончания к послелогам (и предлогам), так как они выполняют ту же функцию. Тем более, что на стр. 74 автор указывает, что существительное с падежным окончанием равно по функции существительному с послегом и оба выполняют функцию Term'a или Atterm'a.

Мне представляется также непоследовательным замечание автора о том, что «именительный падеж является просто наименующим словом и не указывает и не подразумевает никакого отношения, как все остальные падежи» (стр. 38). Если автор был бы до конца последователен в применении защищаемого им функционального принципа, он должен был бы считать, что таким просто «наименующим словом» существительное является только в отдельном употреблении, вне контекста, вне суждения. Выступая как подлежащее, существительное является центром предложения, т. е. приобретает совершенно определенную функцию в предложении.

Все глаголы делятся на «чистые» и «определятельные»; к первым относится только глагол «быть», т. е. в маратхи असणे asणे и иногда होणे hoणे; все остальные глаголы «определятельные» (или предикативные) и поэтому могут употребляться только с «чистым» глаголом, осуществляющим в предложении связь субъекта и предиката. «Определятельные» глаголы определяются как спрягаемые формы слов, обозначающих действие или состояние и содержащих глагол и прилагательное. Поясняется, какие именно элементы глагольной формы выполняют первую функцию и какие вторую: элемент глагольной связки

(corula) заключается в местоименных согласованиях и во флексиях времени и наклона. Предикативный элемент заключается в изменениях залога и фазы действия.

Наречие, являясь вспомогательной для глагола частью речи, вносит следующие изменения в «чистый» глагол, т. е. в сказуемое:

а) логическое качество: утверждение или отрицание;

б) время (по отношению к настоящему времени говорящего; указание на продолжительность действия автор относит не к функции наречия, а к функции Atterm);

с) наклонение.

Автор считает, что, являясь выражением субъективного состояния ума говорящего, наклонения могут выражаться и не особыми формами, а тоном голоса.

Кроме трех общепринятых степеней сравнения прилагательных, рассматриваются и другие: равенство, чрезвычайность, незначительная степень, «различные степени» (Various degrees; стр. 85—86). Большинство из них образуется не изменением прилагательного, а добавлением специальных слов.

Точно так же читатель узнает о двух новых падежах: объектно-родительном, возникающем при употреблении деноминативных глаголов (выражается через окончание родительного падежа) и падежом совместности (Comitative) с окончанием शी शी.

Автор считает, что причастия в маратхи своеобразны; он насчитывает девять причастий, из которых два, в действительности, являются деепричастиями. Он делит причастия на три основные группы:

1) предикативные, употребляемые для образования сложных глагольных форм; причастия трех времен и четвертое — облигативное (иногда желательное и условное);

2) атрибутивные, употребляемые, как определения с именами, не во временных формах, являются особенностью маратхи; причастие настоящего времени употребляется весьма редко, а будущего времени или намерения (गारा — gāra) и прошедшего времени (लेला — lela, называемое акад. А. П. Бараниковым свободным причастием) употребляются часто;

3) аппозитивные, которые в действительности являются деепричастиями настоящего и прошедшего времени.

Автор насчитывает в маратхи три инфинитива (!?): «винительный инфинитив», «родительный» и «дательный»; первый действительно является инфинитивом, но два последних (отличающиеся друг от друга только окончаниями соответствующих падежей) рассматриваются обычно, и совершенно правильно, как супин.

Уделяя чрезмерное для начального учебника внимание теоретическим вопросам, автор недостаточно полно и подробно излагает такой важный вопрос, как значение времен.

Дэрби считает характерным для маратхи «странную неспособность понимать пассив» (стр. 134). По его мнению, только в последнее

время под «новейшим» влиянием возникают две формы пассива: первая, обычная в северо-индийских языках, с глаголом $\text{दुखी} dz\ddot{a}r\ddot{e}i$ 'уходить' и вторая, специфичная для маратхи, локатив герундива с формами глагола $\text{उरुण} ur\ddot{u}n$ 'приходить'. По автору, эти формы употребляются, главным образом, в деловом и официальном языке, но их употребление, повидимому, расширяется. По моим наблюдениям обе эти формы обычны для современного литературного маратхи, причем вторая более употребительна.

Целую группу сложно-вербальных глаголов автор объединяет под общим названием «неполно определяющие слова» («Words defectively determinative»). К ним относятся: каузативные, потенциальные, дезидеративные, инцептивные, тентативные (выражающие попытку к действию), длительные и многократные, глаголы обычности действия и разрешительные. Неполно определяющим словом является не вся глагольная форма, а тот его элемент, который придает ему специфический характер, т. е. элемент, обычно называемый образующим; он может быть глагольной формой или просто флективной частицей; конкретный же глагол, называемый обычно основным глаголом, автор называет «дополнением».

Чрезвычайно важный вид глаголов — интенсивные — рассматривается в параграфе под названием «Законченность действия». Изложение здесь совершенно неудовлетворительное; не указываются оттенки значений, придаваемые образующими глаголами.

Характерное для автора стремление по новому классифицировать все явления языка на основе «функционального» принципа особенно ярко выразилось в определении части речи, которой он заменяет союзы. Эта часть речи (Connectives) гораздо шире и включает союзы, как одну из составных частей. Функция «Connectives» состоит в указании на связь суждений друг с другом и осуществляется она следующими способами:

1. Союзы.
2. «Начальный элемент в вопросительных и относительных словах (местоимениях), который указывает на характер предложения или фразы» (т. е. звук *k, j*).
3. Междометия и такие слова, как «что», «как», отмечающие восклицательное предложение.
4. Изменение порядка слов или специальные формы, отличающие вопросительное предложение.
5. Тон голоса (вопрос, восклицание и др.).
6. «Некоторые формы, напр. деепричастия, подразумевают определенную связь, не выражая ее».

Синтаксису уделено очень немного места (стр. 146—165). На стр. 35—36 дана классификация предложений, которые автор делит на четыре группы: 1) простые, 2) ком-

плексные, в которых фразы играют роль частей речи; 3) сложные, из которых одни подчинены другим; 4) сжатые («contracted»), в которых имеется несколько подлежащих или сказуемых. Укажу, что четвертая группа является подразделением простого предложения, а вторая и третья могут быть объединены в группу сложных; я не вижу причины для отделения их друг от друга, да и сам автор в примерах на вторую и третью группы приводит совершенно аналогичные придаточные предложения причины (стр. 149 и 157).

О сложных словах сказано всего несколько слов. Также кратко изложены, вернее перечислены, и основные производительные морфемы (префиксы и суффиксы).

Книга изобилует теоретическими высказываниями, нередко имеющими общий характер и не связанными с конкретными фактами маратхи. Большая часть этого материала не нужна изучающему язык. Эти теоретические искания, иногда и не лишённые некоторой оригинальности, не интересны для лингвиста, так как в них заметна недоработанность, неустойчивость; в большинстве случаев они не доказаны. Во многих местах автор касается вопросов, не относящихся к грамматике; таковы, напр., его наклонения, выражаемые только тоном голоса.

Оценивая книгу как начальный учебник, необходимо отметить, что автор охватил все существенные элементы языка, изложив их, в большинстве случаев, достаточно полно и снабдив примерами. Конкретные указания автора точны. Ему удалось систематизировать и поместить в соответствующие параграфы многие мелкие языковые факты. Однако общее расположение материала и его освещение на основе теорий автора, а также перегруженность книги ненужным и сомнительным теоретическим материалом делают книгу непригодной в качестве учебника.

В. Краснодембский

The Popular English-Hindi Dictionary with sundry useful Appendices and Tables. Allahabad. The Indian Press Ltd., 1936. Price Rs. 2/12. IX + 866 стр.

Третье и четвертое десятилетия нашего века особенно характерны усилением тенденций буржуазного национализма в современных индийских литературах. Именно в это время издаются крупные труды на хинди по истории литературы, языкознанию, словари и т. п. Одной из интереснейших сторон развития буржуазного национализма в литературе является движение за самый распространенный язык Индии — хинди, как общендийский государственный язык, призываемый националистами быть средством интерпровинциального объединения индийцев. В связи с этим из литературных и политических кругов исходит призыв к поощрению развития разнообразных отраслей литературы на хинди.